

крестьян. О «насильстве» крестьян игумен Михаил подавал «явки» светской администрации в 1579—1580 гг. Вскоре после описания 1584—1585 гг., проведенного Юрием Нелединским, монастырь добился своего. Во время расследования этого спорного дела были опрошены местные церковники, дети боярские, посадские и крестьяне (всего 328 человек). Обыск показал, что слух о грамоте Дмитрия Донского бытовал среди местных жителей. От царя Федора Ивановича поступила грамота об отписке Балынова и Бракотина от черносозных волостей к «белым сохам» и передаче этих селений Воскресенскому Солигаличскому монастырю. В связи со сменой верховной власти старцы поспешили обратиться к Василию Шуйскому с просьбой переписать грамоту на имя нового царя. 13 марта 1608 г. за скрепой дьяка Михаила Бегичева была направлена в Солигалич царская грамота с прочетом, удовлетворявшая челобитье игумена Иоакима и братии монастыря. По книгам Ю. Нелединского, в с. Балынове значилось 4 крестьянина, пашни паханой 12 четей в поле, «а в дву по тому же», сенокосов на 27 копен, леса пашенного 2 дес. в одном поле. В живущем было записано три четверти выти. Починок Бракотин (называемый в одном месте деревней) имел 4 крестьян, 14 четей пашни в одном поле, 26 копен сенных покосов, леса пашенного 15 дес. в поле. В живущем это составляло 1,5 выти³². Как видим, владения Воскресенского монастыря были весьма скромными. И тем упорнее боролся монастырь за их сохранение. Не тут ли кроется возможный ответ на вопрос о мотивах появления сочинения типа летописца, в котором столь настойчиво звучит «вотчинная» нота и упоминается село Балыново? Подтвердить старинными сказаниями давность своих прав на вотчинные земли и крестьян, возвеличить прошлое монастыря — для этих целей и мог быть составлен летописец, причудливо перемежающий вымышленные и действительные исторические события.

---

³² ААЭ, т. II, № 85, с. 177—178; см. также: *Миловидов И. В.* Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря, вып. 1, с. 53—57. Во время описания Воскресенского монастыря 1701 г. было проверено наличие владельческих документов. Грамота 1608 г. оказалась на месте. Любопытно, что монастырь развернул энергичную деятельность по приобретению земельных угодий (главным образом сенокосов), совершая также хитроумные сделки с помещиками на крепостных крестьян. Об этом свидетельствуют многочисленные вкладные и «зделочные» записи, хранившиеся в монастыре. По переписным книгам 1678 и 1700 гг. он имел 5 крестьянских дворов, а во время описания 1701 г. сверх этого оказалось еще 17 дворов крестьянских и бобыльских (*Иванов П.* Описание Государственного архива старых дел. М., 1850, с. 345; *Бульгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977, с. 51, табл. 1, № 337; с. 205, табл. 18, № 37; ЦГАДА, ф. Монастырского приказа, оп. 1, д. 23, л. 475—475 об., 478—479, 490 об.—491). Во второй половине XVII в. монастырь энергично строил каменные церковные и хозяйственные здания. Архитектурный ансамбль Воскресенского монастыря принадлежит к выдающимся памятникам отечественного зодчества.